Елена Неделько

Старушка пошла в разнос

Елена Неделько

Старушка пошла в разнос

«Автор»
2026

Неделько Е.

Старушка пошла в разнос / Е. Неделько — «Автор», 2026

Когда Аня приехала к бабушке в тихую деревню, она планировала отдых: горячий чай, свежий воздух, чтение на крылечке. Всё как у людей.Но однажды ночью она проснулась и увидела, как её милая бабушка Зоя Петровна надевает телогрейку, берёт топор и уходит в лес. Днём бабушка печёт пирожки и вяжет носки. Ночью — ходит с топором по кладбищу, сыплет соль вокруг старого колодца и разговаривает с тенями на опушке. Аня начинает собственное расследование — и находит в сарае тетрадку с заговорами и заколдованный нож. «Она не сошла с ума. Она просто вышла на пенсию. Но продолжала быть ведьмой».Перед вами уютный хоррор о пирожках, топорах и том, что семья — это не только кровь, но и соль, которую ты сыплешь на порог.Первая книга истории

© Неделько Е., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. «Бабушка, ты куда с топором?» 5
Глава 2. «Следы ведут к кладбищу» 8
Глава 3. «У бабушки в сарае» 11
Глава 4. «Первая вылазка» 15
Глава 5. «Наука ведьмовства, или Как я училась не бояться» 20
Глава 6. «Корова, которая слишком много знала» 24
Конец ознакомительного фрагмента. 26

Елена Неделько
Старушка пошла в разнос

Глава 1. «Бабушка, ты куда с топором?»

Знаете, что самое страшное в деревне? Не тишина. Не темнота за окном. И даже не колодец, из которого ночью доносится бульканье, хотя воды там нет уже лет десять.

Самое страшное — это когда твоя собственная бабушка в три часа ночи надевает телогрейку, берёт топор и уходит в лес с таким лицом, будто идёт за хлебом.

Я, Аня, двадцать пяти лет, городская, нервная, приехала к бабушке на лето. Отдохнуть. Подышать воздухом. Поесть пирожков с капустой. Планировала, знаете, читать книжки на крылечке и слушать, как петух орёт. Всё как у людей.

Первые три дня всё так и было.

Бабушка Зоя Петровна — семьдесят восемь лет, метр пятьдесят в тапках, седой пучок на затылке, глаза острые, как у вороны. Печёт пирожки так, что соседи через забор здороваются с уважением. Вяжет носки. Ругается на кота Ваську, который, по её словам, «совсем стыд потерял, опять в сметану мордой залез».

И всё бы ничего. Только на четвёртую ночь я проснулась от скрипа.

Знаете этот звук? Когда половица стонет под чьим-то осторожным шагом. Я лежу на раскладушке в летней кухне, глаза открыты, сердце уже почему-то стучит. За окном — луна, хоть газету читай. И в этом лунном свете я вижу через дверной проём, как по сеням движется тень.

Маленькая. Сгорбленная. В телогрейке.

Бабушка.

Я сначала подумала — воды пошла попить. Ну, мало ли, возраст, бессонница. Лежу, жду, когда звякнет кружка о кран.

Не звякнуло.

Хлопнула входная дверь. Я приподнялась на локте, выглянула в окно — и вот тут, честно, у меня внутри что-то оборвалось.

Бабушка шла через двор. В телогрейке поверх ночной рубахи. В резиновых сапогах. И — я не сразу поверила глазам — в правой руке у неё был топор. Тот самый, которым она колет дрова. Большой, с тёмным от времени топорищем, лезвие блеснуло в лунном свете так, что у меня во рту пересохло.

Она шла к калитке. Спокойно так. Деловито. Как будто шла за укропом.

Я лежала и думала: «Аня, ты дура. Тебе показалось. Бабушка просто... топор... во дворе... в три ночи...»

Калитка скрипнула. Бабушка вышла на улицу и растворилась в темноте между домами.

Я не спала до утра. Лежала, смотрела в потолок и слушала, как где-то далеко, за огородами, кто-то мерно и ритмично стучит. Тук. Тук. Тук. Как будто колет дрова. Только в три часа ночи. В лесу.

Вернулась бабушка под утро. Я услышала, как хлопнула калитка, как она сняла сапоги на крыльце — аккуратно, чтобы не разбудить. Потом прошла в сени, и я зажмурилась, притворилась спящей.

Она постояла в дверях. Я чувствовала её взгляд, честное слово. Секунд пять. Потом тихо ушла в свою комнату.

Утром я вышла к завтраку с мешками под глазами. Бабушка стояла у печи, румяная, в переднике, и напевала «Ой, цветёт калина». На столе — горячие пирожки, сметана, чай с мятой. Идиллия.

— Бабуль, — сказала я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Ты ночью... выходила?

Она обернулась. Посмотрела на меня ясными, как у младенца, глазами.

— Я? Ночью? — она всплеснула руками. — Анечка, да я сплю, как убитая. Мне же восемьдесят почти. Я ночью только до ветру могу сходить, и то не всегда.

— А топор? — вырвалось у меня. — Я видела... мне показалось, ты с топором...

Бабушка замерла. На секунду — только на секунду — что-то мелькнуло в её глазах. Что-то острое, как лезвие. А потом она засмеялась:

— С топором? Ой, уморила! Аня, ты, видать, сон дурной видела. Это тебе не город, тут воздух чистый, сны снятся — будь здоров. Топор! Надо же!

Она поставила передо мной тарелку с пирожками и погладила по голове.

— Ешь, городская. И не выдумывай.

Я ела. И смотрела на её руки. Сухие, в прожилках, с обломанными ногтями. Обычные старушечьи руки.

Только под ногтями у неё была земля. Чёрная, влажная, свежая.

И ещё кое-что. Когда она наливала чай, я заметила на рукаве телогрейки, висящей у двери, тёмное пятно. Бурое. Похожее на засохшую кровь.

Только я не уверена, что это была кровь. Может, варенье. Бабушка варила вишнёвое варенье на прошлой неделе.

Да. Точно. Варенье.

В этот день я твёрдо решила две вещи. Первая: я не сумасшедшая. Вторая: я выясню, что моя бабушка делает по ночам с топором.

Потому что если она не сумасшедшая — то хуже. Потому что тогда всё, что я думаю, — правда.

А вечером соседка тётя Люба сказала мне через забор, понизив голос:

— Ань, ты за бабушкой-то приглядывай. Тут у нас... — она оглянулась, — тут у нас с месяц назад собака пропала. У Петровых. А до того — коза. А вчера я на кладбище была, так у нас цветы с могилок кто-то выкопал. Все. Понимаешь?

Она посмотрела на меня с сочувствием.

— И следы, Ань. От кладбища к вашему огороду. Большие такие следы. Резиновые.

Я сглотнула.

— Тёть Люб, а какие следы?

Она наклонилась ближе:

— Бабушкины, Ань. Бабушкины следы.

Я повернулась к дому. В окне кухни горел свет. Бабушка стояла у печи и что-то напевала. На столе лежал топор.

Начищенный. Свежий.
Готовый к работе.

Глава 2. «Следы ведут к кладбищу»

Ту ночь я решила не спать.

Подготовилась по-взрослому: налила себе в термокружку крепкого чая, надела кроссовки (на случай, если придётся бежать), взяла фонарик и села у окна летней кухни. За окном — темень, хоть глаз выколи. Только луна, как назло, за тучами спряталась, будто сговорилась с бабушкой.

Час. Два. Три.

Ничего. Я уже начала клевать носом, когда услышала знакомый скрип половиц. Вздрогнула, приникла к стеклу.

Бабушка вышла на крыльцо. Телогрейка, сапоги, топор. Всё как в прошлый раз. Только теперь я разглядела: она что-то несла в левой руке. Маленький мешочек, холщовый, из которого сыпалось что-то белое. Соль? Мука? Я прищурилась.

Соль.

Она шла через двор и сеяла соль. Мерно так, как сеятель на картинке из учебника. Шаг — горсть. Шаг — горсть.

Я подождала, пока она выйдет за калитку, отсчитала до тридцати и выскользнула следом.

Ночная деревня — это отдельный жанр ужаса. Дома стоят чёрные, слепые, окна как пустые глазницы. Где-то далеко брехнула собака — и тут же замолкла, будто ей рот закрыли. Пахло сыростью, полынью и чем-то ещё. Чем-то сладковатым. Неприятным.

Бабушка шла не быстро, но уверенно. Я держалась шагах в тридцати, прячась за заборами и поленницами. Хорошо, что она не оборачивалась. Или делала вид, что не оборачивается. Я не была уверена, что из этих двух вариантов хуже.

Мы миновали крайние дома. Прошли мимо пруда, где вода стояла чёрная, как дёготь. Бабушка вдруг остановилась, наклонилась, что-то подняла с земли — и я услышала, как хрустнуло. Будто сухую ветку сломали. Потом она выпрямилась и пошла дальше, а я, проходя мимо того места, посветила фонариком.

На земле лежала дохлая ворона. Вернее, то, что от неё осталось. И рядом — кучка соли.

Я прибавила шагу, потому что бабушка уже скрылась за поворотом.

Кладбище начиналось сразу за околицей. Старое, деревенское, с покосившимися крестами и оградками, заросшими полынью. Я остановилась у ворот, потому что дальше идти было страшно. Бабушка же прошла между могил уверенно, как по собственному огороду.

И вот тут я увидела то, от чего у меня волосы на затылке зашевелились.

Она остановилась у одной могилы — я потом разглядела, что это могила какой-то Марьи Семёновны, судя по табличке, — и воткнула топор в землю. Просто воткнула. Рядом. Потом достала из кармана что-то маленькое, блестящее, и положила на холмик. И начала говорить.

Я не слышала слов. Только голос — низкий, ровный, не бабушкин. Бабушка так не говорила никогда. Она говорила обычно быстро, с прибаутками, с деревенским говорком. А тут — как будто читала вслух что-то очень старое и очень скучное. Монотонно. Страшно.

Я стояла, вжавшись в ограду, и думала: «Аня, беги. Беги, дура, пока она тебя не заметила».

Но я не побежала. Потому что увидела, как из-под земли — я клянусь, я видела это своими глазами — поднялось что-то. Светящееся. Бледно-зелёное, как гнилушка. Оно поднялось над могилой, покачалось в воздухе и... растворилось. А бабушка выдернула топор из земли, отряхнула его о штанину и пошла дальше.

К следующей могиле.

Я насчитала шесть. Шесть могил. Шесть раз она втыкала топор, шептала и клала что-то блестящее. И шесть раз над землёй поднималось это зелёное свечение.

Потом она пошла обратно. Я еле успела нырнуть за куст бузины, ободрала руки о шиповник, но удержалась от вскрика. Бабушка прошла мимо меня так близко, что я почувствовала запах. Земля. Соль. И что-то ещё — сладковатое, как из помойки.

Домой я вернулась раньше неё — бежала дворами, через огороды, перелезла через чей-то забор, порвала штаны и чуть не свалилась в чужой погреб. Заскочила в летнюю кухню, задвинула щеколду, залезла под одеяло и притворилась спящей.

Через десять минут хлопнула калитка.

Бабушка вошла в дом. Прошла мимо моей двери. Остановилась.

Я не дышала.

Она постояла секунд десять. Потом тихо сказала — не мне, а как будто в пустоту:

— Спи, Анечка. Тебе тут нечего делать.

И ушла к себе.

Утром я первым делом побежала на кладбище. Светило солнце, пели птицы, и всё выглядело так мирно, что я почти убедила себя, что мне приснилось. Ну, мало ли. Нервы. Городская. Переутомилась.

Могила Марьи Семёновны была на месте. Холмик, крест, фотография на табличке — старушка в платке, с добрыми глазами.

А рядом с холмиком, воткнутый в землю, стоял бабушкин топор.

Я его узнала. Тёмное топорище, зарубка на ручке. Тот самый.

И на лезвии — я присмотрелась — была не кровь. На лезвии была земля. И что-то зелёное, светящееся, тонкое, как паутинка. Оно пульсировало. Медленно-медленно, как будто дышало.

Я попятилась. И наступила на что-то.

Под ногой хрустнуло. Я посмотрела вниз.

Это была куриная косточка. Обглоданная. И рядом — ещё одна. И ещё. Целая дорожка из костей, ведущая от кладбища к нашему огороду.

Я подняла голову и посмотрела в сторону дома.

Бабушка стояла у калитки. Смотрела на меня. И улыбалась.

— Анечка! — крикнула она. — Ты чего там забыла? Пойдём завтракать! Я творожники сделала!

Я посмотрела на топор. На кости. На бабушку. На топор.

И пошла завтракать. Потому что, знаете, когда твоя бабушка — ведьма, лучше не злить её до завтрака.

Творожники, кстати, были вкусные. С изюмом.
Только вот изюм я с тех пор не ем.

Глава 3. «У бабушки в сарае»

После кладбища я три дня ходила как в тумане.

Ела бабушкины пирожки и смотрела на неё во все глаза. А она — ничего. Нормальная. Ворчит на кота, полет грядки, зовёт меня «городская» и заставляет пить парное молоко, от которого меня мутит. Ни топора, ни соли, ни ночных прогулок. Топор, кстати, вернулся на своё место в дровяник — я проверяла. Лежит себе, чистенький, как будто никуда и не ходил.

Может, правда показалось?

Ага. Конечно.

На четвёртый день я решилась. Бабушка ушла к тёте Любе за дрожжами — я сама вызвалась её проводить и убедилась, что она зашла в дом. Потом вернулась, будто забыла кошелёк, и прошмыгнула в сарай.

Сарай у бабушки старый, ещё дедовский. Брёвна почернели от времени, дверь скрипит так, что слышно на всей улице. Внутри — дрова, инструменты, банки с соленьями на полках, мешки с комбикормом. Пахнет пылью, мышами и чем-то ещё. Травяным. Горьким.

Я включила фонарик и начала искать.

Первое, что нашла, — тетрадь. Обычная школьная тетрадка в клеточку, только обложка обернута в чёрную клеёнку. Лежала она не на видном месте, а в старом сундуке, под кучей тряпья. Я открыла.

Почерк бабушкин. Аккуратный, круглый, с наклоном — она так писала открытки на Новый год. Но содержание...

«На Ивана Купалу — полынь и крапива, в полночь, на перекрёстке. Не забыть: соль чёрная, не белая. Белая — только для скотины».

«Если из колодца поёт — не отвечать. Три раза плюнуть через левое плечо. Если после третьего не замолчит — идти за топором».

«Марья Семёновна беспокоит. Третий раз за месяц. Надо будет навестить, поправить оградку. Слабая стала, сквозит из-под земли. Кто ж её так положил-то, не по-людски...»

Я листала дальше. Страницы пестрели рисунками — круги, кресты, какие-то символы, похожие на руны. Схемы. Записи про «узлы», «двери» и «гостей». И везде — пометки: «проверить», «сделано», «не успела».

На последней странице — свежая запись, сделанная совсем недавно, чернила ещё не выцвели:

«Сил всё меньше. Ноги не те. В прошлый раз опоздала — Петровым козу упустила. Не уберегла. Надо срочно ученицу. Аня приехала — может, уговорю. Только она пугливая, городская. Напугаю — уедет. Надо аккуратно».

Я села прямо на мешок с комбикормом.

Ученицу. Она хочет сделать меня ученицей. Меня, которая от пауков на люстре визжит.

Под тетрадью, на дне сундука, лежало ещё кое-что. Свёрток из мешковины, перевязанный красной ниткой. Я развернула.

Внутри был нож. Не кухонный — странный. Лезвие тонкое, изогнутое, с насечками по краю, рукоять из тёмного дерева, обмотанная той же красной ниткой. И рядом — маленький мешочек с солью. Чёрной.

Я смотрела на нож и чувствовала, как у меня холодеет спина. Не от страха. От чего-то другого. Как будто нож этот я уже видела. Как будто он меня ждал.

И тут за спиной скрипнула дверь.

— Нашла?

Я подпрыгнула, выронила нож, обернулась.

Бабушка стояла в проёме. Без дрожжей. Без тёти Любы. Просто стояла, скрестив руки, и смотрела на меня. И глаза у неё были не старческие-мутные, а острые, как у той вороны на кладбище.

— Бабуль, я... — начала я. — Я просто... тут... тетрадка...

— Тетрадка, — повторила она. — И нож.

Она вошла в сарай, закрыла за собой дверь. Стало темно, только мой фонарик и полоска света в щели.

— Аня, — сказала бабушка, и голос у неё был усталый-усталый. — Ты думаешь, я не знаю, что ты за мной ходишь? Думаешь, я не слышу, как ты по ночам не спишь?

Я молчала.

— Я же тебя предупреждала, — она вздохнула. — Спи, говорю, Анечка. Тебе тут нечего делать. А ты не послушала.

— Бабушка, что ты делаешь по ночам? — выпалила я. — Я видела! На кладбище! Ты воткнула топор в землю, и там... там что-то светилось! И кости! И соль! Я всё видела!

Бабушка помолчала. Потом подошла к сундуку, наклонилась — медленно, с кряхтеньем, — подняла нож и аккуратно завернула его обратно в мешковину.

— Аня, — сказала она, не глядя на меня. — У нас в деревне не всё так просто. Ты думаешь, я тут пирожки пеку и носки вяжу? Я тебе сейчас одну вещь скажу, только ты не пугайся.

Она повернулась ко мне. И в полутьме сарая её лицо показалось мне чужим — резким, молодым каким-то, что ли.

— Эта деревня стоит на месте, где раньше было... нехорошее место. Очень нехорошее. И если за ним не следить — оно просыпается. Понимаешь? Оно всегда голодное. Оно всегда ждёт. И я его держу. Одна. Уже сорок лет.

— Сорок лет? — прошептала я.

— С тех пор, как твой дед умер, — сказала бабушка. — Он тоже это умел. А после него — я. Только я старею, Аня. И в последнее время... в последнее время у меня не всё получается.

Она помолчала. Потом добавила тихо:

— Коза у Петровых — это я не доглядела. И собака. И цветы с могилок. Это всё оно. Оно пробует. Оно чует, что я слабею.

Я стояла, вцепившись в мешок с комбикормом, и чувствовала, как у меня внутри всё сжимается в пружину.

— И что? — спросила я. — Что ты хочешь от меня?

Бабушка посмотрела на меня. Долго. И вдруг улыбнулась — обычной, бабушкиной улыбкой, с морщинками.

— Для начала — чтобы ты перестала за мной шпионить и помогла дрова сложить. А потом... — она подмигнула. — Потом поговорим. Нож, кстати, отдай.

Я отдала.

— А это... — я кивнула на свёрток, — зачем?

Бабушка убрала нож обратно в сундук, закрыла крышку и сверху накинула тряпьё.

— Соль чёрная — от гостей непрошеных. Нож — от тех, кто не понимает по-хорошему. — Она выпрямилась. — А тетрадка — для ученицы. Там всё написано. Что делать, когда меня не станет.

— Бабуль...

— Всё, — отрезала она. — Хватит на сегодня. Пошли, творог пропадёт.

Мы вышли из сарая. Солнце светило, кот Васька валялся на крыльце, куры копошились в пыли. Обычный деревенский день.

— Бабуль, — сказала я, когда мы уже подходили к дому. — А почему топор? Ну, на кладбище. Почему именно топор?

Бабушка остановилась. Посмотрела на меня с хитрецой.

— А чем ты, городская, прикажешь узлы забивать? Молотком, что ли? Молоток мелкий. Топор — он надёжнее. Им и дрова, и... — она усмехнулась, — и всё остальное.

Она поднялась на крыльцо и обернулась:

— И вот что, Аня. Сегодня ночью я пойду снова. Если хочешь — идём вместе. Посмотришь. Только не пугайся раньше времени и делай, что скажу.

Я сглотнула.

— А если я не пойду?

Бабушка пожала плечами:

— Тогда сиди дома и не выходи. Потому что этой ночью, — она посмотрела куда-то за мою спину, в сторону леса, — этой ночью оно опять придёт. И я одна могу не справиться.

Она зашла в дом.

Я постояла на крыльце, глядя на лес. Лес стоял тихий, спокойный, летний.

А потом я увидела.

На опушке, между двумя берёзами, стояла фигура. Высокая, тонкая, в чём-то светлом. Не шевелилась. Просто стояла и смотрела в нашу сторону.

Я моргнула — и фигура исчезла.

— Бабуль! — крикнула я, влетая в сени. — Там, на опушке...

— Знаю, — сказала бабушка, не оборачиваясь от печи. — Оно пришло раньше. В этот раз — раньше.

Она достала из-за заслонки топор.

— Ну что, городская. Готова?

Глава 4. «Первая вылазка»

— Надевай сапоги, — сказала бабушка. — И телогрейку. И вот это.

Она протянула мне мешочек. Внутри была чёрная соль — крупная, как дробь, и какая-то тяжёлая, что ли. Я насыпала её в карман, и карман сразу оттянуло вниз, будто я положила туда горсть свинца.

— Правила простые, — бабушка говорила быстро и чётко, как будто читала инструкцию к стиральной машине. — Первое: идёшь за мной, ни шагу в сторону. Второе: что бы ты ни увидела, не кричи. Третье: если я скажу «стой» — стоишь как вкопанная, хоть земля гори. Четвёртое: соль в кармане не трогай, пока я не скажу. Пятое...

Она замолчала и посмотрела на меня.

— Пятое: если я упаду — берёшь топор и бьёшь по земле. Ровно три раза. Прямо перед собой. Не по тому, что увидишь. По земле. Поняла?

— Бабуль, а почему по земле?..

— Поняла?! — рявкнула она так, что я подпрыгнула.

— Поняла! — пискнула я.

— Вот и умница.

Она сунула мне в руки фонарик. Себе взяла второй — старый, с треснувшим стеклом, обмотанный изолентой. Топор она несла в правой руке, и я заметила, что лезвие у него теперь другое. Не блестящее. Тёмное, матовое, как будто его окунули в дёготь.

— Бабуль, а что с топором?

— Заговорённый, — коротко ответила она. — Вчера ещё обычный был. Сегодня — нет. Оно близко, вот и... реагирует.

Мы вышли из дома в половине второго ночи. Луны не было вообще. Деревня тонула в темноте, густой, как сметана. Фонарик выхватывал только кусок дороги впереди — пять шагов, не больше.

Шли молча. Я старалась дышать ровно и не оглядываться. Получалось плохо.

— Бабуль, — прошептала я через десять минут, — а куда мы идём?

— К колодцу. Тому, который за околицей, старый. Помнишь, тётя Люба говорила — вода ушла?

Я кивнула, потом вспомнила, что темно, и сказала «угу».

— Вода не ушла, — бабушка перешагнула через лужу. — Воду оно выпило. И теперь там живёт.

— Кто «оно»?

Бабушка помолчала. Потом сказала:

— У него много имён. Раньше звали «тот, что под корнями». Потом — «гость». Теперь никак не зовут. Боятся. — Она усмехнулась. — А я зову его «прохвост». Потому что прохвост и есть. Ходит вокруг, вынюхивает, ждёт, когда я оплошаю. Как та собака у Петровых — это он её. Взял и увёл. А я недоглядела.

Я сглотнула.

— А чего он хочет?

— Деревню, — просто сказала бабушка. — Всю. Чтобы люди ушли. Чтобы осталось только оно. Оно тут давно, Аня. До нас. До дедов. Оно тут сидело, пока мы не пришли. А мы пришли — и построили деревню. И сорок лет я его держу. А оно всё пробует. В щёлочку, в дырочку, в слабинку.

Мы вышли за околицу. Впереди показался колодец — сруб из почерневших брёвен, без крыши, с воротом, на котором болталась цепь. Рядом — покосившийся указатель «ул. Лесная».

Бабушка остановилась.

— Стой.

Я замерла.

— Смотри, — сказала она и посветила фонариком.

Вокруг колодца земля была вытоптана. Круглая площадка, как будто кто-то ходил по кругу. Много раз. И на этой земле — следы. Босые. Большие, как у взрослого мужика. Только... неправильные. Пальцы длинные, тонкие, с когтями. И следов этих было штук двадцать. И все они вели к колодцу. И обратно. И снова к колодцу.

— Оно ходит, — сказала бабушка. — Всю ночь ходит. Кругами. Считает.

— Что считает?

— Не что. Кого. — Она посмотрела на меня. — Нас, Аня. Оно нас считает. Пока я жива — не может досчитать до конца. А как досчитает...

Она не закончила. Просто достала из кармана горсть чёрной соли и швырнула в колодец.

Соль полетела вниз — и я услышала, как она ударилась о дно. Сухое, глухое «шшшш». Воды там точно не было.

И тут из колодца поднялся звук.

Пение. Тихое, женское, красивое. Как будто мать поёт ребёнку колыбельную. Слова я не разбирала, но мелодия была... затягивающая. Тёплая. Мне вдруг страшно захотелось подойти ближе, заглянуть внутрь, посмотреть, кто там поёт. Ноги сами сделали шаг.

— Стоять! — рявкнула бабушка и схватила меня за руку. — Не слушай! Это не женщина!

Я тряхнула головой. Наваждение схлынуло, и я поняла, что стою в двух шагах от колодца, хотя не помню, как туда попала. Сердце колотилось как бешеное.

— Хорошо, — сказала бабушка. — Первый урок усвоила. — Она встала между мной и колодцем. — Теперь смотри и учись.

Она подняла топор.

И ударила по срубу. Плашмя, не лезвием — обухом. Гулкий удар прокатился по округе, как будто ударили в колокол. Из колодца взметнулось что-то белое — как туман, как простыня, — и метнулось в сторону. Бабушка ударила ещё раз. И ещё.

— Соль! — крикнула она. — Бросай!

Я выхватила горсть из кармана и швырнула. Не глядя. Просто в белое.

Соль вспыхнула в воздухе — я не знаю, как это описать, но она вспыхнула, как бенгальский огонь, — и белое с воем отпрянуло. Вой был не человеческий. Он был такой тоскливый, такой злой, что у меня подкосились ноги.

— Ещё! — крикнула бабушка.

Я бросила ещё. И ещё. Белое заметалось, сжалось в комок, и вдруг рвануло в лес — только ветки затрещали.

Стало тихо.

Бабушка опустила топор. Тяжело дышала, опираясь на топорище.

— Ушёл, — сказала она. — На сегодня — ушёл.

Я села прямо на землю. Ноги не держали.

— Бабуль... что это было?

— То самое, — она вытерла лоб рукавом. — Молодое ещё. Глупое. Пробует силы. — Она посмотрела на лес. — Но растёт быстро. Раньше оно по ночам только шептало. Потом — петь начало. Теперь вон — уже морок наводит. Скоро сможет руками трогать.

Она протянула мне руку и помогла встать.

— А теперь — домой. И спать. Завтра тяжёлый день.

— Почему тяжёлый?

— Потому что завтра будем учиться, — сказала бабушка. — Ты же не думала, что я тебя с собой просто так взяла, для компании? — Она усмехнулась. — Мне ученица нужна. А ты, городская, хоть и пугливая, но соль бросаешь хорошо. Метко. И не орёшь. Это уже половина дела.

Мы пошли обратно. Я шла и чувствовала, как в кармане тяжелеет оставшаяся соль, как горит ладонь, которой я бросала, и как в груди что-то меняется. Как будто внутри открылась дверца, о которой я не знала.

Дома бабушка напоила меня чаем с мятой и заставила съесть два пирожка.

— Бабуль, — сказала я, когда чашка опустела. — А почему ты раньше мне ничего не говорила? Ну, что ты... это всё... делаешь?

Бабушка посмотрела на меня долгим взглядом.

— А ты бы поверила?

Я подумала.

— Наверное, нет.

— Вот и я так думала, — она вздохнула. — А теперь — поверишь. И это хорошо. Потому что мне, Аня, — она понизила голос, — осталось недолго. Я чувствую. Оно чувствует. Скоро оно придёт по-настоящему. И тогда...

Она не договорила. Просто встала и начала убирать со стола.

— Ложись, — сказала она. — Завтра встаём рано. Будем учиться соль заговаривать. И топор держать. И главное... — она обернулась, — главное, Аня, научиться не бояться. Потому что страх — это то, чем оно питается. Запомни: боишься — значит, кормишь.

Я легла. Долго смотрела в потолок. Слушала, как за окном ветер шуршит в берёзах.

А потом услышала.

Далеко-далеко, из леса, донёсся голос. Женский. Красивый. Он пел колыбельную. Ту самую.

Только теперь я разобрала слова:

«Спи, усни... я приду... посчитаю... раз... два... три...»

Я натянула одеяло на голову и зажмурилась.

А в соседней комнате бабушка что-то бормотала во сне. И в этом бормотании я различила одно слово, повторяемое снова и снова:

— Не успеваю... не успеваю... не успеваю…

Глава 5. «Наука ведьмовства, или Как я училась не бояться»

Утро началось с того, что бабушка вылила мне на голову ведро холодной воды.

Я заорала, подскочила на раскладушке и увидела её — стоит в дверях летней кухни, ведро в руке, лицо невозмутимое.

— Вставай, городская. Уже шесть.

— Бабуль, ты чего?! — я отплёвывалась, отряхивалась, а вода текла за шиворот. — Я же сплю!

— Спать будешь, когда помрёшь, — отрезала она. — А пока живая — учись. Умывайся, одевайся, выходи во двор. Пять минут.

Через пять минут я стояла посреди двора, мокрая, злая и в телогрейке не по размеру. Бабушка расхаживала передо мной, как сержант перед новобранцем.

— Первое, — сказала она. — Ведьма — это не та, кто в чёрном ходит и заклинания читает. Ведьма — это та, кто знает, где граница. Где своё, а где чужое. Где можно, а где нельзя. Поняла?

— Не совсем.

— И не надо пока, — согласилась она. — Поймёшь, когда оно тебя за ногу цапнет. — Она сунула мне в руки мешочек с чёрной солью. — Держи. Смотри.

Она взяла щепотку и растёрла между пальцами.

— Соль — она как замок. Насыпал — закрыл. Правильно насыпал — намертво закрыл. А неправильно — только раздразнил. Смотри, как надо.

И она начала учить.

Час мы отрабатывали бросок. Не просто «взять и кинуть», а «взять, зажать, почувствовать, развернуться и бросить». Бабушка заставляла меня кидать соль в старый пень, который стоял посреди двора. С пяти шагов. С десяти. С закрытыми глазами. Через плечо. Левой рукой. С разворота.

— Ты не в цель бросаешь, — приговаривала она. — Ты бросаешь в то, что за целью. В тень. В пустоту. В то, что там прячется. Поняла?

— Нет.

— И не надо. Руки сами запомнят. Повторяй.

К полудню у меня отваливалась правая рука, а соль была везде — в волосах, в карманах, в ботинках. Пень стоял обсыпанный белым, как будто его облили сгущёнкой.

— Ладно, — сказала бабушка. — Соль — на сегодня хватит. Теперь — топор.

Я попятилась.

— Бабуль, я не умею...

— А я умею. Научу. — Она вручила мне топор. Тяжёлый, зараза. Я его еле удержала двумя руками. — Держи не как городская — не за самый край. Вот так. Хват — как у мужика, который дрова колет. Чувствуешь?

— Чувствую, что он тяжёлый.

— Привыкнешь. — Она встала рядом. — Теперь главное. Слушай сюда, Аня. Топор — он не для того, чтобы рубить. Он для того, чтобы обозначить. Поняла? Ты им как бы говоришь: здесь моя земля. Здесь я хозяйка. — Она обвела рукой двор. — Вот тут — моё. Вот тут — не моё. Топор показывает границу. И если ты его правильно держишь и правильно бьёшь — оно эту границу видит. И не суётся.

— А если всё равно сунется?

— Тогда бьёшь сильнее, — пожала плечами бабушка. — И солью. И ещё кое-чем. Но это потом.

Она показала, как бить. По земле. Плашмя. Коротко, резко, с оттяжкой. Как будто забиваешь невидимый колышек.

— Три раза, — сказала она. — Не два, не четыре. Три. Потому что раз — это «здравствуй», два — это «я тут», три — это «пошёл вон». Запомнила?

— Три, — повторила я.

— Молодец. Теперь сама.

Я била. Первый раз — чуть не выронила топор. Второй — попала себе по ноге плашмя (синяк обеспечен). Третий — вроде получилось. Бабушка кивнула.

— Сойдёт для первого раза. — Она забрала топор. — Теперь — самое важное. Садись.

Я села на крыльцо. Бабушка села рядом, кряхтя и растирая поясницу. Достала из кармана семечки, протянула мне. Мы сидели, щёлкали семечки, и она говорила.

— Аня, ты вот думаешь, наверное: бабка сбрендила, топором машет, соль кидает. А я тебе так скажу. — Она сплюнула шелуху. — Всё это — ерунда. Соль, топор, заговоры — это инструменты. Как молоток у плотника. А главное — вот тут. — Она постучала себя по лбу. — И вот тут. — Постучала по груди. — Голова и сердце. Если голова ясная, а сердце не дрожит — ты сильнее любого прохвоста. А если дрожит — никакой топор не поможет.

— А как сделать, чтобы не дрожало?

Бабушка усмехнулась.

— А ты как думаешь?

— Не знаю.

— Вот и я не знала, когда твой дед меня учил. — Она посмотрела куда-то вдаль, за огород. — Он мне говорил: «Зоя, ты не бойся его. Он же как таракан. Чем больше боишься, тем больше он растёт. А перестанешь бояться — он скукожится и уйдёт». Я тогда молодая была, глупая. Думала — как это, не бояться? Он же страшный. А он мне: «А ты его представь в кальсонах и с галошами».

Я фыркнула.

— В кальсонах?

— Ага. — Бабушка ухмыльнулась. — Деда мой выдумщик был. Говорил: «Ты его бойся, но не до смерти. Бойся так, как кота соседского боишься — ну, что он тебе в сметану лапу сунет. А не так, как смерти бойся». Вот и весь секрет.

Она встала.

— Ладно. На сегодня хватит теории. Пошли обедать. А вечером — практика.

— Опять ночью? — у меня внутри всё сжалось.

— Опять ночью, — подтвердила бабушка. — Только теперь не к колодцу. Теперь — к лесу. Оно там гнездо вьёт. Надо посмотреть, что оно там накрутило.

— А если оно... ну... нападёт?

— А ты соль взяла?

— Взяла.

— Топор возьмёшь?

— Возьму.

— Ну и всё тогда, — бабушка улыбнулась. — Не боись, городская. Прорвёмся.

Обед прошёл спокойно. Борщ, картошка с укропом, компот. Кот Васька крутился под ногами, выпрашивал сметану. Всё было так по-домашнему, что я почти забыла, что ночью мы идём в лес, где живёт что-то, что поёт колыбельные и считает нас.

Почти.

А потом, когда я мыла посуду, в окно постучали.

Я обернулась. За стеклом стояла тётя Люба. Бледная, растрёпанная, глаза круглые.

Я открыла окно.

— Ань, — прошептала она. — Ань, беда-то какая... У Петровых корова... — она всхлипнула. — Корова мычит. С утра мычит. Не по-коровьи. По-человечьи мычит. Как будто сказать чего хочет.

Бабушка за моей спиной тяжко вздохнула.

— Началось, — сказала она. — Раньше срока.

Глава 6. «Корова, которая слишком много знала»

До Петровых мы добежали за пять минут. Бабушка, несмотря на свои семьдесят восемь и поясницу, неслась так, что я еле поспевала. Топор она на этот раз несла в руке, не пряча. И, честно говоря, встречные соседи шарахались в стороны.

У калитки Петровых уже стояла толпа. Тётя Люба, дядя Гриша с ружьём (правда, ружьё у него было старое, ещё дедовское, и я сильно сомневалась, что оно стреляет), трое пацанов из соседнего дома, ещё какие-то бабки в платках. Все галдели, перебивая друг друга.

А из сарая доносилось:

— Ма-а-а-а... ма-а-а-а... — Голос был низкий, протяжный, с какими-то всхлипывающими нотками. Как будто корова пыталась заплакать. — Ма-а-а-а... Ма-а-а-а-ма...

Тётя Люба перекрестилась.

— Вот! Слышите?! Мамой зовёт! Зо-о-оя! — она увидела бабушку и замахала руками. — Зоя Петровна! Иди сюда! Твоя это работа! Ты у нас тут главная по нечисти!

Бабушка подошла к калитке. Толпа расступилась.

— Люба, — сказала она спокойно. — Открывай сарай.

— Да ты что?! — тётя Люба всплеснула руками. — Там же эта... эта... она ж мычит! А вдруг она того... бешеная?

— Она не бешеная, — отрезала бабушка. — Она говорящая. Открывай.

Сарай открыли. Внутри, в углу, на подстилке из соломы, лежала корова Зорька. Белая с чёрными пятнами, с большими грустными глазами. Она посмотрела на нас — и я готова поклясться, что в этих глазах было что-то человеческое. Что-то очень усталое и очень испуганное.

— Ма-а-а-ма, — сказала она, глядя прямо на бабушку. — Ма-а-а-ма.

— Твою ж мать, — тихо сказала бабушка. — Аня, соль. Быстро.

Я выхватила мешочек.

— Что мне делать?

— Насыпь вокруг неё. Круг. Замкни. — Бабушка вошла в сарай, держа топор перед собой. — И не смотри ей в глаза. Она не Зорька сейчас.

Я начала сыпать. Соль падала на солому, и там, где она падала, солома как будто шипела. Тихо, еле слышно.

— Ма-а-а-ма, — повторила Зорька, и вдруг её голос изменился. Стал другим. Моложе, что ли. И злее. — Зоя. Зоя. Я тебя вижу. Я тебя чую. Ты старая. Ты устала. Ты одна.

Бабушка остановилась.

— А вот и нет, — сказала она. — Я не одна. У меня внучка.

Зорька повернула голову. Посмотрела на меня. И улыбнулась. Корова. Улыбнулась. Я чуть не выронила соль.

— Внучка, — протянула она. — Хорошая. Молодая. Сильная. Много соли в карманах. Много страха в голове. Страх — это вкусно, Зоя. Ты знаешь.

— Замолчи, — сказала бабушка. — Аня, не слушай. Сыпь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.